

ДЕТИ-СИРОТЫ И ФОРМЫ ИХ УСТРОЙСТВА В ЧУВАШСКОЙ ОБЩИНЕ

Рассматриваются предпосылки становления и развития детского призрения в Чувашии во второй половине XIX – начале XX в. Особую роль получило попечительство. Чуваши практически не отдавали детей своей общины в опекунские дома, брали на воспитание незаконнорожденных, малолетних и детей своих родственников.

Ключевые слова: опекуны; сироты; приемные; община; волостное правление; детское призрение.

В дореволюционной России немало внимания уделяли заботе о детях-сиротах и полусиротах. История детского призрения свидетельствует о том, что стремление помочь ближнему, особенно малышам, детям-сиротам и убогим, – было одной из традиционных особенностей русского национального характера. Сложившаяся в течение многих веков система детского призрения была по-своему уникальна.

Современное положение в деле социального призрения своеобразно в том плане, что в настоящее время происходит переход от чисто государственной системы к системе, включающей общественную благотворительность. В какой-то степени мы возвращаемся к дореволюционному механизму призрения, сохраняя элементы, выработанные в период советской власти. Особую роль получила такая форма призрения детей, как попечительство.

Возложенные на сельские общества обязанности призрения опекаемых малолетних выполнялись следующим образом. О смерти каждого лица крестьянского сословия, а также отставных солдат и солдаток, после которых оставались малолетние дети, сельский староста немедленно извещал волостного старшину и принимал меры по охране имущества до его прибытия. Волостной старшина после получения извещения отправлялся в деревню и в присутствии старосты и трех домохозяев составлял опись с оценкой оставшегося имущества, которое сдавал избранному сельским обществом опекуну. В волостное правление передавались деньги, процентные бумаги и долговые обязательства вместе с подлинной описью, а опекуну, по его требованию, – засвидетельственная копия описи.

Сельский староста на сходе объявлял о смерти принадлежащих к обществу лиц, после которых остались малолетние дети, и предлагал избрать опекуна из благонадежных. По избрании такового сельское общество составляло приговор: кто именно после умершего по местному обычаю имеет право на наследство и в каких частях; возраст всех наследников; кто избран опекуном. Приговор сельского схода утверждался волостным правлением, где и хранился. Затем опекун вступал в свои права.

Были случаи, когда пожилые родственники оставляли завещание об установлении опеки над внуками «будучи в здравом уме и совершенной памяти», но в преклонном возрасте. Так, государственный крестьянин Цивильского уезда Архангельско-Янтиковской волости д. Буяновой Авраам Матвеев оставил завещание в местном волостном правлении, чтобы родному 10-летнему внуку Николаю Галактионову «за его любовь и расположение» избрали опекуна из «однородителей» – человека «доброй и хорошей нравственности». Поскольку несовершеннолетний еще не мог управлять

хозяйством, он просил попечителя научить наследника этому. «Сноху, вышедшую без согласия и ведома за муж вторым браком за крестьянина и не оказывающую никакого уважения и расположения, от наследия имением вовсе отстранить и ни под каким предлогом не вступать» [1].

Вдова с дочерьми имела право пользоваться усадьбой, если они жили отдельно от семьи отца или братьев. Если же семья проживала вместе с родителями, то после смерти супруга жена никакой доли имущества от свекра не получала. Она при желании могла жить в семье бывшего мужа, но при этом не имела права на наследование. За ней сохранялась принадлежащая ей собственность. Вдова, оставшаяся с сыновьями, становилась полновластной хозяйкой до их совершеннолетия, а если у нее имелись лишь дочери, то до самой смерти. Имущество жены, принесенное в дом мужа, могло быть разделено после ее смерти между сыновьями и дочерьми. Оно не возвращалось в тот дом, из которого было принесено [2. С. 211].

Над имуществом малолетних сирот даже при жизни их матери учреждалась опека. Опекунами становились ближайшие родственники умерших (чаще дяди), если таковых не было, то дальние родственники. В последнем случае они выбирались тем обществом, к которому принадлежал умерший. В случае отказа родственников выбрать могли соседи.

Таким образом, опекун утверждался властью; при нежелании родственников принять сирот на воспитание мир обязать их не мог. Опекуны должны были обладать высокой нравственностью. В протоколах можно встретить выражение «избрали из среды себя в опекуны крестьянина, который поведения есть хорошего, имение предохранить может в целости и старанием своим малолетних научит правилам благонравия и добродетели» [3. Д. 7. Л. 50об.].

Вследствие трудности исполнения обязанности опекуна честные люди часто отказывались от принятия ее на себя. В таком случае опекун подавал заявление о выходе из опекунов, указывая причину (например: «В настоящее время будучи состоянием бедного нахожусь в услужении у разных лиц...»). В таких случаях просьбу удовлетворяли и выбирали нового опекуна [4. Д. 2. Л. 18об.]. Но встречались люди, которые искали опеки, чтобы воспользоваться чужим добром. При производстве описи и оценки имущества умершего они принимали всевозможные меры к тому, чтобы общество не всю собственность внесло в опись; тогда вещь, не внесенную в опись, можно было употребить в свою пользу и в случае растраты имущества опекаемых уплатить им меньше той суммы, какую они выручили от продажи. В случае смерти опекуна им назначался новый человек [4. Д. 9. Л. 28].

Опекун распоряжался имуществом опекаемых как глава семьи. Он мог продать часть имущества с согласия схода. Сход решал, насколько выгодна продажа. Были случаи, когда выносилось заключение о том, что «продажа ветхого жилья за ничтожную цену выгоды не принесет, а может служить в ущерб в будущем» [4. Д. 12. Л. 33]. Нередко сход принимал решение о продаже части имущества, а сам опекун переносил день продажи на более поздний срок, мотивируя это низкими ценами на медь [3. Д. 2. Л. 29об.]. В случае выхода матери замуж второй раз, если дети проживали с ней в доме опекуна, можно было продать старый дом, поскольку он ветшал ежегодно и им никто не пользовался [5]. Все вырученные деньги вкладывали для накопления процентов в сберкассу, чтобы дети могли их получить после снятия опекунства [4. Д. 12. Л. 33]. Опекаемые не могли без разрешения опекуна использовать имущество [6. Д. 274. Л. 49–50].

Опекуны не получали особенного вознаграждения за свои труды, но за определенную плату пользовались душевыми наделами малолетних [7. Т. 285. С. 314]. В основном предоставляли «надел на одну душу в пользовании впредь до возраста сирот с тем, чтобы он уплачивал за нее все подати и повинности и воспитывал у себя до возраста сирот» [4. Д. 2. Л. 3]. Расходы на содержание сирот опекун удерживал из вырученной суммы, а оставшиеся деньги клал в сберкассу.

Волостное правление ежегодно составляло расчетную ведомость капиталов малолетних крестьян [8], а опекун представлял обществу отчет о расходе, произведенном им для содержания опекаемых. Дело опекунского управления подвергалось ревизии уездного по крестьянским делам [9. Д. 7758. Л. 34об. – 35]. В ежегодном отчете мы находим подробное описание расхода имущества, например: «...опекуном Федоровым 1 июля 1874 г. было принято в свое заведывание разного имущества по описи на сумму 163 руб. 30 коп., из числа его 3 овцы пали, 3 заколоты для сирот на 10 руб., 10 фунт шерсти продано, и деньги употреблены на платежи страховых премий за строение на 2 руб. 12 дубовых бревен проданы, и деньги употреблены на платеж страховых премий и одежду сиротам 2 руб. 40 коп. Итого расхода на 14 руб. 40 коп, затем к настоящему времени состоит имущества на сумму 148 руб. 90 коп...» [4. Д. 1. Л. 10]. Со стороны опекунов больших злоупотреблений не бывало, но в случае их обнаружения мир назначал другого, более надежного, при этом он обязан был восполнить растрченную сумму.

Итоговый отчет о своих действиях по отношению к опекаемым опекун давал при вступлении в право самостоятельного распоряжения имуществом, по достижении опекаемого гражданского совершеннолетия (21 год), замужестве женщины [7. Т. 184. С. 48]. Если опекаемая выходила замуж, то могла просить избрать опекуном своего мужа [4. Д. 13. Л. 28]. После завершения дела о прекращении опеки записывали: «Действие опекуна (фамилия) по настоящей опеке признать правильным и ввиду достижения наследников совершеннолетия все имущество, значащееся в описи ко дню сего учета, сдать в распоряжение самих наследников» [4. Д. 2. Л. 51об.]. Опека могла прекратиться раньше срока в случае смерти опекаемых, тогда имущество и деньги переходили матери.

Сирот, не имевших собственности, кто-нибудь брал к себе в сыновья. Если они были взрослыми, то, как правило, бедствовали. Над имуществом сирот, у которых мать выходила замуж вторично, назначались опекуны из числа родственников умершего отца, а в случае их отказа – мать. Некоторые вдовы после выхода второй раз замуж начинали растрчивать имущество. В таких случаях помощник старшины производил его опись и решением приговора учреждал опекунское управление над сиротами и имуществом [4. Д. 2. Л. 3].

Были случаи, когда опекун заключал брак с вдовой и становился для опекунов отчимом [4. Д. 12. Л. 22]. Кроме малолетства, бывали случаи назначения опекунов по следующим поводам: по расточительности, по безвестному отсутствию. Назначение опекунов по другим основаниям происходило редко [7. Т. 285. С. 315].

21 октября 1889 г. «Главноуправляющий собственного его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии» сообщил о высокой смертности детей в воспитательных домах Опекунского совета. Для исправления такого положения необходимо было уменьшить число детей-сирот в столичных воспитательных домах. Тайный советник Зубов объяснял, что количество принимаемых в воспитательные дома младенцев с каждым годом увеличивается вследствие уклонения местных учреждений от участия в призрении бесприютных детей. Младенцы доставлялись в столичные воспитательные дома из некоторых губерний целыми партиями. Доставка эта получала характер «преступного промысла» – младенцев приводили совершенно истощенными, и они вскоре умирали [9. Д. 7758. Л. 9].

В то время в ведении Казанского губернского земства состоял в г. Казани один земский сиротский дом, в котором призревались 69 мальчиков и 128 девочек. Все дети находились под наблюдением надзирательниц и их помощниц. Для грудных детей нанималось достаточное количество кормилиц. Из более возрастных некоторые обучались в городском училище, в земской школе, в переплетной и башмачной мастерских при сиротском доме; кроме того, девочки обучались швейному мастерству под руководством специальной учительницы [9. Д. 7758. Л. 26]. За состоянием здоровья детей наблюдал особый врач – специалист по детским болезням.

Казанское уездное по крестьянским делам присутствие по собранным сведениям о бесприютных детях и подкидышах докладывало, что в селениях уезда таковых «в настоящее время не имеется, объясняется это тем, что остающиеся круглые сироты воспитываются согласно обычаю у родственников своих или опекунов, так что ни в одной волости не констатировано ни одного случая воспитания бесприютных детей на счете обществ и что случаев отправления или помещения детей в какие-нибудь воспитательные дома не было тоже ни в одной волости, по крайней мере за последние 10 лет» [9. Д. 7758. Л. 283].

Кроме того, были случаи, когда из Казанского земского сиротского дома подкидыши причислялись в семейства [10. Д. 152. Л. 1, 2, 7]. Бездетные семьи брали детей на воспитание из приютов. Многие ухаживали за ними, как за родными, и не хотели их отделять от себя. В одной из деревень Ядринского уезда крестьянин взял

в приемыши мальчика из Казанского прихода. Когда он вырос, отец обвенчал его с родной дочерью. Соседи в деревне не одобрили этот поступок и предсказали несчастливую судьбу молодоженам [7. № 4915. С. 143]. Бывало и наоборот: в 1896 г. был случай, когда взрослых сирот пристроили, а грудному младенцу не могли найти кормилицу и доставили в сиротский дом для призрения, причем расходы по отправке сироты были возмещены [10. Д. 488. Л. 2].

Земствами практиковалась отдача как грудных детей, так и подростков разным благотворителям с обязательством устроить участь принимаемых ими детей и приписать к своим семействам [9. Д. 7758. Л. 26]. Таких случаев в чувашском крае было множество. Среди малолетних сирот обычно не бывало беспризорных детей, потому что всегда со смертью отца учреждалась опека на основании примечания к ст. 21 Общего Положения об опеке, и малолетние призревались: при жизни матери – ею, а со смертью матери – родственниками или опекунами; в обоих случаях при помощи средств опеки.

Ядринское уездное по крестьянским делам присутствие отмечало, что если сирота не имел имущества, то он прямо отдавался кому-либо из бездетных членов общества в дети по определению схода с правом усыновления сироты. Подкидышей в уезде не было, что объяснялось «исключительным положением уезда, народонаселение которого чуваша, нравственность у которых настолько еще не развита, что они не знают разницы между законными и незаконными» [9. Д. 7758. Л. 38].

Подкидыши призревались исключительно теми, кому они были подкинута, причем участие в этом деле со стороны общества выражалось иногда представлением принявшим их лицам необходимых участков земли [9. Д. 7758. Л. 49]. В 1890 г. Чебоксарская уездная земская управа докладывала, что в городах Чебоксары и Мариинский Посад за 5 лет случаев подкидывания младенцев не зарегистрировано. В 1-м стане уезда за это же время было 5 случаев, и во всех этих случаях младенцы были приняты на воспитание местными жителями из крестьян, во 2-м стане за время службы пристава, продолжающейся более 10 лет, не было ни одного случая подкидывания младенцев [9. Д. 7758. Л. 70]. Если и бывали случаи рождения детей вне брака, то они воспитывались в семьях на одинаковых условиях со всеми членами семьи [9. Д. 7758. Л. 38–38об.].

Казанское уездное по крестьянским делам присутствие отмечало: «...в уездах же, где жизнь вообще и взаимное отношение полов в частности поставлены в более нормальные условия (что доказывается весьма незначительным здесь количеством незаконнорожденных рождений и подкидываний младенцев): причин, которые вызывали бы необходимость отправления последних в воспитательные дома, несравненно меньше, чем в губернском городе. К тому же среди инородцев, особенно между чувашами и черемисами, в некоторых местах губернии до сих пор сохраняют еще свое значение те выработавшиеся под влиянием этнических и бытовых особенностей понятия, по которым внебрачное или вообще незаконное рождение ребенка не составляет такого постыдного для матери явления, каким оно считается в глазах культурных классов общества, так что в сфере обычной, повседневной жизни незакон-

ные дети пользуются у этих инородцев почти теми же правами, как и законнорожденные» [9. Д. 7758. Л. 48–48об.]. В волостях с исключительно татарским населением не замечалось факта подкидывания детей, потому что магометанский закон, строго соблюдаемый мусульманами, воспрещал подкидывание живых младенцев.

В крестьянском быту факт усыновления детей формально через окружной суд был редким явлением. Усыновление детей мужского и женского пола происходило просто, формальных письменных усыновлений не бывало. Обыкновенно говорили про них по-чувашски: «ываллаха илне» (в сыновья взял) [7. Ед. хр. 174. Инв. № 5005. С. 237]. Усыновленный считался сыном усыновителя и пользовался всеми правами. Высоко оценивались нравственные качества семьи, которая воспитывала приемных детей. В основном усыновляли малолетних, преимущество отдавали мальчикам [7. Т. 184. Л. 54]. Усыновители порой становились восприемниками приемных детей [6. Д. 538. Л. 10об.]. Некоторые многодетные малообеспеченные родители своих детей отдавали на воспитание в другую семью. Приемышей брали преимущественно богатые бездетные люди и бедные, у которых не жили дети, в надежде на то, что по принятии к себе на жительство чужого ребенка будут жить их собственные дети. У чувашей существовало поверье: кто воспитывает сирот, у тех родные дети не будут умирать. Если дети, родившиеся по водворении в семье приемыша, жили и вырастали, то приемыша как лишнего возвращали родителям его или он сам оставлял дом воспитателей вследствие плохого отношения их к нему. Был случай, когда крестьянин из д. Шундряш Курмышского уезда после смерти трех своих первых детей взял к себе в приемыши сына крестьянина с. Раскильдино того же уезда. Когда его собственные дети выросли, то приемыша выжили без ничего. У самарских чувашей воспитателям за это давали два-три рубля [7. Т. 184. С. 48]. На сельском сходе нередко рассматривали заявления крестьян, желающих причислить к своему семейству приемного сына «для поддержки его хозяйства при старости лет» в связи с отсутствием собственных детей.

Как правило, сельский сход не имел препятствий к усыновлению, но Казанская казенная палата не всегда удовлетворяла просьбы крестьян, особенно при живых родителях, т.к. ребенок в данном случае не был сиротой и не мог быть причислен к чужому семейству [6. Д. 372. Л. 8–9]. В 1910 г. Янгильдинское волостное правление рассматривало вопрос об усыновлении припиской сына родного брата за неимением собственных. Для оформления процедуры заявители представили метрическую выписку причта села о рождении усыновляемого и подписку родителей усыновляемого о согласии их на усыновление сына. Также учитывали возраст усыновителей, поскольку они должны иметь общую гражданскую правоспособность. Им было по 30 лет, и они были старше усыновляемого более чем на 18 лет. В результате исключили усыновляемого по посемейному списку из состава семьи его родителей и приписали к семейству усыновителя [11].

В декабре 1915 г. Шихазановское волостное правление, кроме необходимых документов, требовало, чтобы усыновитель поставил в известность общество о

желании усыновить ребенка. Как усыновитель, так и усыновляемое лицо должны быть лицами христианского вероисповедания [6. Д. 1045. Л. 9].

Чуваши не проводили ни мирские, ни церковные обряды при усыновлении, и усыновленный оставлял себе ту же фамилию, которую носил ранее [7. Т. 285. Л. 311]. В ряде мест ребенок терял прежнюю фамилию [7. Т. 181. Л. 169]. Были случаи, когда усыновитель изъявлял желание, чтобы за усыновляемым закреплено было отчество усыновителя путем регистрации в акте об усыновлении [6. Д. 1045. Л. 9]. Землей его наделяло общество, в котором он родился [7. Т. 184. Л. 41]. Родители приемыша могли потребовать его и обратно [7. Т. 285. С. 311]. Информатор этнографа Н.В. Никольского Григорий Никифоров отметил, что подкидышам, приемышам в начале XX в. общество не отводило земли. Приемыши пользовались наделом из земель своих родителей. Подкидыши иногда приписывались к обществу и получали надел от общества. Бывали случаи приписывания приемышей к обществу своих приемных родителей, если они из другого общества. В последнее же время общество неохотно принимает таких приемышей в число членов своих, потому что каждой пядью семьи дорожит [7. Ед. хр. 174. Инв. № 5005. Л. 237].

Воспитание приемыша и прочие заботы целиком лежали на воспитателе. Он должен был заботиться о сиротах, как о своих собственных детях: кормить, одевать и давать по возможности образование, исполнять повинности, отдавать воспитанника в солдаты, а воспитанницу замуж [7. Т. 184. С. 55]. Нередко незаконнорожденные мальчики, усыновленные одинокими людьми, становились единственными кормильцами. По призыву их на службу усыновители теряли возможность поддерживать хозяйство и обращались в местное волостное правление для получения удостоверительного приговора на предмет ходатайства и возвращения приемного сына из военной службы [6. Д. 538. Л. 10–11; Д. 668. Л. 70–71]. Таким образом, пасынки после отчима, незаконные дети после отца и матери и усыновленный после усыновителя наследовали имущество и землю. Права наследования усадьбы признавалось за приемышами [7. Инв. № 6058. С. 322].

Приписывание к семейству незаконнорожденных детей собственных дочерей вызывало денежные расходы и сбор дополнительных документов. При оформлении отцу приходилось покупать в Палату две гербовые марки по 60 коп (ст. 69 и 73 Устава о Гербовом сборе), на оплату прошения и окончательной исходящей бумаги по делу. Кроме того, он вместе с марками должен был представить метрическое свидетельство о рождении внука, удостоверение местного Полицейского Управления о личности его, подписку о непринадлежности его к вредным раскольническим сектам и приговор крестьян о принятии в среду их с припискою к семейству просителя [10. Д. 152. Л. 16].

В 1897 г. земским начальникам был разослан циркуляр об открытии в селениях приютов для детей. В крестьянской жизни наблюдались иногда факты трудного и даже безотрадного положения сирот, владеющих ничтожным имуществом и не пользующихся призреванием со стороны родственников. Такие сироты по решению схода определялись на выполнение работ в

малозажиточные одиночные семьи. Нередко эти дети переходили из дома в дом и часто нищенствовали. Некоторые вынуждены были наниматься к богатым, которые эксплуатировали ребенка. Такое печальное явление не могло оставить равнодушными земских чиновников. Некоторые из них стремились улучшить положение бесприютных сирот, лишенных родственной помощи, путем устройства детских сельских приютов на средства, ассигнуемые волостными сходами и сельскими обществами. При этом должны были учитываться условия местного быта и степень обеспеченности населения [9. Д. 10525. Л. 2]. Не все волостные сходы поддержали данное предложение. Чурачикский волостной сход «признал полезным и желательным устройство приюта и постановил внести в смету на 1898 г. денежный сбор по 2 коп. с каждой души, что составляет сумму 102 руб. 72 коп.» [9. Д. 10525. Л. 23]. Богородский волостной сход принял решение об учреждении в с. Беловолжское на средства волости детского приюта. Предполагалось развести для воспитанников сад и огород и организовать (в зависимости от средств) обучение ремеслам. Для решения возникших проблем сход ходатайствовал перед правительством об отводе земли под детский приют из казенных участков и о бесплатном отпуске на постройку необходимых лесных материалов [9. Д. 10525. Л. 39].

В 1906 г. Министерство внутренних дел направило письмо Казанскому губернскому присутствию, которое переслало его к земским начальникам Казанской губернии ввиду объединения деятельности крестьянских учреждений, затребовав отзыв относительно практикуемого в губернии порядка усыновления (не вызывал ли этот порядок со стороны местных условий каких-либо осложнений и не требует ли изменений). В частности, министра интересовало, насколько допускаются случаи усыновления сельскими обывателями при наличии у них собственных или узаконенных детей, не встречает ли такое ограничение отрицательного отношения со стороны крестьян и по каким именно основаниям. Местное волостное правление отметило, что существующий порядок не вызывает никаких осложнений и не требует изменений и уточнений [6. Д. 782. Л. 77–78].

В ходе Первой мировой войны по всей стране собирали сведения о сиротах и полусиротах, нуждающихся в призрении. С 15 по 23 июня 1916 г. Центральный статистический комитет (ЦСК) Министерства внутренних дел провел обследование сирот и полусирот, включая и тех, у которых имеются отчимы и мачехи, постоянно проживающих в семьях местных крестьян во всех селах, деревнях, выселках, хуторах и т.п. сельского общества, в возрасте не старше 12 лет. Во все губернии страны были отправлены ведомости для записи.

Заполнение переписных ведомостей производилось волостными правлениями при содействии местных сельских властей. С разрешения земского начальника к собиранию и проверке сведений о сиротах привлекались члены местных волостных попечительств, а также кто-либо из местных обывателей, которые могли быть полезны своими знаниями, советами и указаниями (священнослужители, учителя народных училищ и пр.). В сведениях о числе нуждающихся в призрении сирот указывалось место их настоящего проживания, обуче-

ны ли грамоте или ремеслу, состояние здоровья [12. Д. 393. Л. 177–178].

Ведомости подписывались лицами, принимавшими участие в их составлении. В волостном правлении они заверялись подписью волостного старшины с приложением печати правления и немедленно высылались в ЦСК [10. Д. 1384. Л. 5]. Тогда обследование сирот и беспризорных детей, предпринимаемое в России, впервые имело, помимо научно-статистического интереса, важнейшее государственное значение [10. Д. 1384. Л. 4об.].

Изучая предпосылки становления и развития детского призрения в Чувашии во второй половине XIX – начале XX в., следует отметить огромный положительный опыт, накопленный в эти годы. Чуваши практически не отдавали детей своей общины в опекунские дома, а предпочитали определять их в приемные к чужим, нежели родным, к богатым, нежели бедным. Брали на воспитание детей незаконнорожденных, малолетних, бывали случаи, что воспитывали и детей своих родственников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 53. Оп. 1.
2. Петров Н.А. Завещание и наследование имущества у чувашей во второй половине XIX – начале XX в. // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: Материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары: ЧГИГН, 2005.
3. ГИА ЧР. Ф. 48. Оп. 1.
4. ГИА ЧР. Ф. 44. Оп. 2.
5. ГИА ЧР. Ф. 51. Оп. 1.
6. ГИА ЧР. Ф. 52. Оп. 1.
7. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 1.
8. ГИА ЧР. Ф. 49. Оп. 1.
9. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1. Оп. 3.
10. ГИА ЧР. Ф. 44. Оп. 1.
11. ГИА ЧР. Ф. 46. Оп. 1.
12. ГИА ЧР. Ф. 50. Оп. 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 июня 2009 г.